

Илья В. УТЕХИН

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

Человек и обезьяна: к контекстуализации ранних экспериментов в области Ape Language Research

doi: 10.22394/2074-0492-2019-3-75-99

Резюме:

Эксперименты 1960–1970-х годов по обучению высших обезьян человеческим средствам коммуникации показали, что эти животные могут использовать произвольные символы в непосредственной и технологически опосредованной коммуникации с человеком. Эти работы стремились продемонстрировать когнитивные и лингвистические способности высших обезьян за пределами того, что возможно наблюдать в естественной среде обитания, и получить материалы, способные, как представлялось их авторам, внести вклад в сравнительную психологию и эволюционную биологию развития, пролить свет на ранние этапы возникновения языка. Однако полученные результаты и их интерпретация были подвергнуты критике теми учеными, которые предлагали более простые объяснения наблюдаемым формам поведения животных и подчеркивали вклад человека во взаимодействие с животными. Критики рассматривали эксперименты в области «языка обезьян» в рамках долгой традиции «разумных» животных, которые во взаимодействии с экспериментатором демонстрировали свои исключительные способности, опираясь на неосознанные сигналы со стороны человека. Важность этой дискуссии определяется тем, что она ставит под вопрос способы интерпретации человекоподобных форм коммуникативного поведения, а также тем, что она касается вопроса о принадлежности к науке таких форм деятельности, которые включают чтение мыслей и приписывают нечеловеческим существам квазичеловеческие характеристики, тем самым бросая вызов привычным понятиям о человеке.

Ключевые слова: исследования языка обезьян, коммуникация, дизайн эксперимента, подсказывание, эффект Смышленного Ганса

Утехин Илья Владимирович — профессор факультета антропологии, старший научный сотрудник Центра STS ЕУСПБ, кандидат исторических наук. Научные интересы: этнография коммуникаций, talk-in-interaction, антропология технологий, human-computer interaction, визуальная антропология, советская и постсоветская повседневная жизнь, антропология инвалидности. E-mail: utekhin@yandex.ru

Ilya V. Utekhin

European University at St.Petersburg, Russia

The Human and the Ape: On the Contextualisation of Early Experiments in Ape Language Research

Abstract:

Early Ape Language Research projects from 1960-70s conducted by Gardners, Premack, Patterson, Rambough, Savage-Rambough, and Terrace demonstrated that apes are able to employ arbitrary symbols and use them in communication with human experimenters in face-to-face communication or in mediated communication involving computer keypads. Data on the communicative abilities of apes exposed to language teaching were supposed to contribute to comparative psychology as well as evolutionary and developmental biology: the studies were aimed at demonstrating the cognitive and linguistic abilities of captive apes beyond that which can be observed in their natural habitat, and at providing insights about the early stages of the emergence of language. However, the obtained results and interpretations were criticized by those scholars who offered more parsimonious explanations of the observed behaviors of the apes and emphasized the contribution of the human partner to the interaction with the animal. The critics regarded ape language experiments within the framework of a long history of smart animals that could demonstrate exceptional abilities in a performance based on unconscious cueing by the human experimenter. This discussion — sometimes referred to as the “chimp-language wars” — is important for two reasons: firstly, it questions the ways in which human-like communicative behaviors can be interpreted. Secondly, it concerns the scholarly status of activities that involve mind-reading and ascribing quasi-human characteristics to non-human beings, and thus challenges the limits of humanity.

76

Keywords: ape language studies, communication, experiment design, cueing, Clever Hans phenomenon

Человечество напоминает собой клуб для избранных,
доступ в который весьма затруднен:
мы сами решаем, кто может быть туда допущен.
Веркор. Люди или животные?

Умей лев говорить, мы бы не могли его понять.
Л. Витгенштейн. Философские исследования.

Ilya V. Utekhin — PhD in Anthropology from Russian Academy of Sciences Institute of Anthropology and Ethnology, is Professor in Department of Anthropology, European University at St. Petersburg. Research interests: ethnography of communication, talk-in-interaction, anthropology of technology, human-computer interaction, visual anthropology, Soviet and postSoviet everyday life, anthropology of disability. E-mail: utekhin@yandex.ru

С середины 1960-х и до начала 1980-х бурно развивалось исследовательское направление — изучение «говорящих обезьян», в рамках которого биологи и психологи ставят эксперименты по обучению высших обезьян, живущих в неволе, человеческим средствам коммуникации. Сенсационные результаты вызвали не только общественный интерес, но и отдельные критические голоса с разных сторон. Состоялась бурная дискуссия, которая вошла в анналы истории науки. В частности, неодобрение высказали лингвисты, которые не были готовы увидеть язык в коммуникации обученных обезьяны, а также этологи — специалисты по поведению животных, которые полагали, что поведение животных в эксперименте можно было объяснить с опорой на то, что известно о поведении животных в неволе и в цирке во взаимодействии с человеком.

И те, и другие критиковали методику экспериментов, указывая на недостатки исследовательской процедуры и на то, что энтузиасты межвидового контакта некритически истолковывают свои наблюдения. С другой стороны, критикуемые экспериментаторы воспринимали возражения в свой адрес как шельмование и претензию на монопольное владение научной истиной. Организованная семиотиком Томасом Себеком и психологом Робертом Розенталем¹ конференция Нью-Йоркской академии наук в мае 1980 года и целый ряд публикаций, критически рассматривавших опыты с обезьянами [Terrace, Petitto, Sanders, Bever 1979; Sebeok, Umiker-Sebeok 1980; Sebeok, Rosenthal 1981], привели к тому, что новые проекты в этой области стали восприниматься грантодателями с сомнением, а статьи с большими сложностями проходили рецензирование в престижных журналах [Savage-Rumbaugh, Lewin 1994: 49–57]. На рубеже 1980-х исследование когнитивных способностей обезьян стало узкоспециальной областью психологии, а обучение приматов человеческим средствам коммуникации обрело скорее маргинальный статус.

Сегодня наука ощутимо продвинулась в изучении когнитивных и коммуникативных способностей высших приматов, но даже краткий обзор этих достижений не входит в наши задачи. Предметом статьи являются утверждения о языковых и мыслительных способностях обезьян, которые делали авторы работ в области изучения «языка обезьян», и аргументы, которые выдвигали критики этих исследований. Как мы попытаемся показать, значимость этой

¹ Томас Себеок — один из отцов-основателей зоосемиотики, то есть применения категориального аппарата семиотики к описанию коммуникативного поведения животных; Роберт Розенталь известен изучением «самосбывающихся пророчеств» и описанием т.н. «эффекта Пигмалиона», то есть влияния ожиданий учителя на результаты ученика.

дискуссии выходит далеко за пределы узкой предметной области; кроме того, проекты в области *Ape Language Research* представляют собой примечательное культурное явление, которое нуждается в контекстуализации.

Подробное изложение истории экспериментов с животными и человеческим языком в не скептическом изложении доступно, например, в работе [Hillix, Rumbaugh 2004], а также в книге [Зорина, Смирнова 2006]¹. Обычно эта история излагается примерно следующим образом. Хотя обезьян держали дома для развлечения уже с Античности, лишь в XX веке начались долгосрочные эксперименты, в рамках которых психологи возвращали животное в домашних условиях. Детенышей шимпанзе старались поставить в одинаковые условия с собственными детьми и сравнить умственное развитие испытуемых. Хотя усыновленные человеком шимпанзе проявляли сообразительность и имитировали без специального обучения действия людей, эта имитация никогда не распространялась на подражание звукам речи. Обычные звуки эмоциональных реакций шимпанзе — уханье, визги, похожие на лай звуки при виде пищи — встречаются и на воле, и в неволе, но они никак не соотносятся со звуками человеческой речи.

78

Попытки заставить животных издавать звуки, изображающие слова, оказались трудоемкими и практически бесплодными в силу анатомических особенностей обезьян. Давняя идея о том, что можно найти альтернативные, невокальные способы коммуникации, получила новый импульс в работах американского психолога Роберта Йеркса, именем которого назван крупнейший приматологический центр. Он полагал, что «если бы наклонности попугая к имитации звуков можно было соединить с уровнем интеллекта шимпанзе, последние без сомнения бы могли разговаривать. [...] Я склонен заключить, исходя из многих оснований, что у высших обезьян есть много о чем сказать, но у них отсутствует дар использовать звуки для представления индивидуальных — по контрасту с общевидовыми — чувств и идей. Быть может, их возможно научить использовать пальцы, подобно тому как это делают глухонемые, и помочь освоить простой, невокальный жестовый язык» [Yerkes 1925: 53, цит. по: Fouts, Rigby 1980: 262]².

- 1 И сама научно-популярная книга отечественных этологов, и ее приложения содержат взгляд энтузиаста; такова значительная часть доступной литературы на эту тему. Из более ранних источников такого рода — книга Юджина Линдена в русском переводе [Линден 1981].
- 2 Идеи Йеркса, занимавшегося, среди прочего, евгеникой, заслуживают отдельного рассмотрения. Как указывает Донна Харуэй [Haraway 1989], Йеркс был склонен воспринимать эксперименты с приматами как некую

Следуя примеру Йеркса, который одно время без большого успеха попытался держать шимпанзе дома, его сотрудники Кит и Кэтрин Хейз, а также Уинтроп и Луэлла Келлог хотели выяснить, как человеческая среда влияет на интеллект и коммуникативные способности шимпанзе. В 1960–1970-е годы эксперименты, имеющие целью научить обезьян человеческим средствам коммуникации, вышли на принципиально новый уровень. Алан и Беатрис Гарднер обучили шимпанзе Уошо американскому жестовому языку глухих (и опубликовали статью о результатах в журнале *Science* [Gardner, Gardner 1969]), Дэвид Премак с шимпанзе по кличке Сара использовали магнитные пластиковые фишки, последовательности из которых опирались на синтаксис и логические операции [Premack 1984]. В нескольких проектах был задействован специально разработанный язык, основанный на использовании фишек с символами и специальных компьютерных клавиатур (например, [Savage-Rumbaugh 1986]), а Франсина Паттерсон продолжила дело Гарднеров по обучению обезьяны жестам с гориллой Коко [Patterson, Linden 1981].

Результаты этих экспериментов были призваны показать, что высшие обезьяны способны осваивать обширные словари из нескольких сотен и даже тысяч символов, могут использовать эти символы в коммуникации с человеком, комбинируя их и употребляя знаки нестандартным, творческим образом и в переносном значении, и в шутку. Кроме того, обезьяны продемонстрировали определенную способность к логическим операциям, а создаваемые ими последовательности символов в коммуникации обладали синтаксисом.

Все эти утверждения бросали вызов доминирующим в науке представлениям, что только человек способен к языку и сложным мыслительным операциям. Такой вызов притягателен для попкультуры, ведь межвидовая коммуникация при помощи человеческого языка — тема, имеющая универсальное распространение и в архаических мифах, и в фольклоре: и в мультфильмах, и в мифах, и в сказках животные общаются с людьми на человеческом языке. Когда шимпанзе Уошо окончила свой земной путь в 2007 году, несколько газет посвятили ей некрологи, отмечая важность Уошо для науки. Горилла Коко умерла в июне 2018 года в возрасте 46 лет, она тоже удостоилась некрологов в крупных американских издани-

инженерии: «Частью нашего плана всегда было использовать шимпанзе, чтобы интеллектуально сформировать его согласно заранее намеченному заданию, а не сохранять его естественные характеристики» [Yerkes 1943: 11; цит.по: Nagawaу 1989: 194]. То есть знаковые системы и технология, которые животное начинает использовать во взаимодействии с человеком, перенастраивают и расширяют его естественные способности.

ях, но акцент в них был сделан на общественной значимости этой «обезьяньей личности». Горилла Коко и ее воспитательница Пенни Патерсон добились широкой известности: в октябре 1978 года изображение Коко с фотоаппаратом появилось на обложке *National Geographic*, а внутри журнала — статья Патерсон, недавней аспирантки из Стэнфорда, о разговорах с гориллой.

80 В следующий раз на обложке того же журнала в январе 1985-го Коко была изображена уже со своим котенком. Горилле Коко и ее питомцу посвящались детские книги и популярные книги для взрослых, несколько фильмов; ее именем назван фонд защиты горилл. Среди поддержавших этот фонд и общавшихся с гориллой людей много знаменитостей — голливудские актеры и музыканты. Достаточно зайти на сайт фонда¹, чтобы понять, что на уровне общественной деятельности, активизма и фандрайзинга успехи Gorilla Foundation весьма убедительны. Однако у посетителя сайта, просмотревшего фотографии и фрагменты видео с дней рождения Коко за несколько лет, закрадывается сомнение: а вдруг работники фонда всерьез полагают, что Коко осознает себя, в частности, через празднование дней рождения, когда она получает подарки, праздничный торт и высказывает пожелания, причем политического, глобального характера. Неангажированному наблюдателю это напоминает мемы с котиками. В дискурсе Gorilla Foundation антропоморфизм животного используется не только для возбуждения эмпатии, но и для создания идеологических текстов — утверждений вроде: «Папа Франциск придерживается одинаковых с Коко взглядов на ответственность человека за изменения климата на планете». Возможно, на сайте НКО это даже объяснимо: те благородные цели, которые ставит перед собой фонд, оправдывают такую своеобразную игру в гориллу-человека. Но такая эксплуатация образа очеловеченной гориллы проникает и в научную продукцию, стирая грань между исследованием и активизмом. Так, например, исследовательница включает трех шимпанзе-бонобо в число соавторов статьи [Savage-Rumbaugh et al. 2007].

Даже если вполне серьезно относиться к научным результатам, полученным когда-то Сью Сэвидж-Рамбоу с шимпанзе Остином, Шерманом и Кэнзи, постулирование совместной человеко-обезьяньей культуры вызывает вопросы по причине того, что тут очевиден активизм, привязанный к проблематике, актуальной для вполне конкретного общества. Скептик станет задаваться вопросом: и правда, почему бы энтузиасту включения шимпанзе в человеческие сообщества не вложить животному в уста собственные мысли, если

1 www.koko.org

не существует способа уличить его в этом? В качестве примера вот несколько пунктов, с которыми, как утверждает человек-автор статьи, согласились соавторы-бонобо и которые они сочли важными в разговоре о том, что нужно для бонобо [Savage-Rumbaugh et al. 2007: 18]. Итак, для бонобо важно, чтобы они путешествовали и посещали места, в которых раньше никогда не были; чтобы они имели возможность временами побыть отдельно от остальных; чтобы они получали со стороны людей, которые держат бонобо в неволе, признание уровня лингвистической компетентности и способности к самоопределению и самовыражению при помощи языка. Вынося за скобки приписывание группе обезьян способностей к квазиэтническому самосознанию и рассуждению о нуждах группы, отметим, что путешествие как деятельность, равно и как возможность побыть наедине и приватность, являются ценностями не во всех человеческих культурах, а для бонобо, живущих на воле, вероятно, просто невообразимы. Исследовательница фактически утверждает, что ей удалось внушить очеловеченным бонобо ценности белого американца среднего класса и что об этих ценностях их можно спросить и получить ответ¹.

В 1978 году, когда Пенни Паттерсон защитила диссертацию на материалах работы с гориллой Коко, французский режиссер Барбет Шредер выпустил документальный фильм «Коко, говорящая горилла», где большое место отведено методу наблюдения². Иногда увидеть полезнее, чем прочитать книжку. В самом начале фильма режиссер помещает символическую сцену: Коко, совсем как на обложке National Geographic, держит перед глазами некий аппарат, напоминающий фотографический, и щелкает им, будто бы сни-

- 1 Даже у специалистов по поведению животных такая риторика порой встречает сочувственный отклик. Ж.И. Резникова, автор стандартных российских учебников по этологии (и классических работ по изучению системы коммуникации муравьев), без тени сомнения цитирует сведения о том, что участвовавшие в экспериментах по домашнему взращиванию и обучению языку обезьяны считали себя людьми: Уошо «нимало не сомневаясь, причисляла себя к людскому роду, а других шимпанзе называла “черными тварями”. Человеком считала себя и Вики <...> когда перед ней поставили задачу отделить фотографии людей от фотографий животных, свое изображение она уверенно поместила к изображениям людей, положив его поверх портрета Элеоноры Рузвельт, но, когда ей дали фотографию ее волосатого и голого отца, она отбросила его к слонам и лошадям» [Резникова 2006: 239].
- 2 *Koko, le gorille qui parle*; в английском варианте *Koko: A Talking Gorilla*. Тому, как человек в контексте науки может обращаться с нечеловеческими приматами, посвящен и еще один документальный фильм — «Приматы» Фредерика Уайзмана. О нем и о фильме «Коко, говорящая горилла» Б. Шредера см. подробнее в книге [Утехин 2018a].

мая. Оказывается, что это устройство для рассматривания картинок. И мы не знаем, что там за картинки, видит ли их Коко и что она в них видит.

Символизм этой сцены в том, что за одной и той же внешней формой можно усматривать разное содержание в зависимости от изначальной установки. Существенно, что интерпретация зрителя может опираться на разные системы представлений. Если мы рассматриваем изображенную на экране реальность как научную деятельность по исследованию интеллектуальных и лингвистических способностей животного, то критерии успешности этой деятельности и оценка результатов будут существенно отличаться от тех критериев, которые мы предъявляли бы по отношению, например, к цирковому представлению, где тоже нередко участвуют люди и обезьяны.

82 Э. Гофман во второй главе своего «Анализа фреймов» [Goffman 1974] обсуждает принятые в нашей культуре интерпретации событий, различающиеся в отношении причинности: естественные причины, когда за случившимся не стоит намерения человека и никто не несет ответственности, и социальные причины, предполагающие контроль и ответственность человека. Сложности возникают со сверхъестественными явлениями: они не уместаются в эту классификацию. Либо эти явления приходится отнести к чему-то, у чего есть неочевидные и еще не открытые естественные причины, либо, например, признать, что мы являемся жертвами иллюзии. Необъяснимое, мистическое, не поддающееся однозначной интерпретации может становиться притягательным предметом интереса публики и материалом для перформанса. Таковы фокусы иллюзионистов, невероятные способности экстрасенсов и, с другой стороны, невероятные умения животных, которые демонстрируются на арене цирка. И вообще такое поведение животных, которое внешне схоже с поведением человека. Гофман упоминает и советского экстрасенса Розу Кулешову, и шимпанзе, который, сидя за рулем открытого спортивного авто, пока дрессировщик якобы дремал на заднем сидении, приводил в шок автомобилистов на трассе [Goffman 1974: 28-31].

Джин и Томас Себеок [Umiker-Sebeok, Sebeok 1980, см. также Hediger 1968: 120] обращают внимание на разницу между двумя способами формирования нового поведения животных: научением (*apprentissage*) как частью бихевиористского лабораторного эксперимента и дрессировкой (*dressage*) ради циркового представления. В отличие от эксперимента, где человека насколько возможно стремятся устранить как фактор, во втором случае связь человека и животного неразрывна и эмоционально нагружена для обоих участников. Во всяком случае это два разных полюса семиотической конструкции взаимодействия.

Эксперименты, в рамках которых предполагалось исследование научения использованию символов, что вроде бы предполагало лабораторную работу в рамках парадигмы *apprentissage*, проводились людьми, обученными работать в лаборатории, но сами эксперименты не ограничивались контролируемой обстановкой лаборатории. Животное фактически являлось членом семьи экспериментатора. Между экспериментатором и животным уже существовали заранее выстроенные отношения, был настроен знакомый знаковый репертуар и навыки прочтения движений и реакций друг друга, что, собственно, и открывало возможность заниматься обучением. Эти знаки принадлежат сфере аффективной коммуникации, в которую вовлечены человек и животное, а взаимодействие, таким образом, реализуется в парадигме *dressage*. При этом ни сами экспериментаторы, ни те, кого приглашали в качестве экспертов-наблюдателей, не были знакомы с техникой дрессировки и не могли оценить, в какой степени наблюдаемое в эксперименте поведение сходно с поведением животного в неволе в рамках совместных с человеком действий, ориентированных на перформанс, а не на установление научной истины [Umiker-Sebeok, Sebeok 1980]¹.

Цирковой перформанс основывается на благонамеренном обмене публики, сам факт которого не отрицается, но и суть которого публике не раскрывается. В книжке Николая Носова «Витя Малеев в школе и дома» цирковой трюк демонстрации интеллекта животного объясняется через управление поведением животного со стороны дрессировщика. Когда оглашен арифметический пример, который должна «решить» собака, она начинает лаять, ожидая, что в какой-то момент дрессировщик даст ей незаметный для публики сигнал остановиться и вознаградит ее за это куском колбасы, когда она перестанет лаять².

Цирк вообще представляет собой постоянную игру с фреймами восприятия, которые позволяют создавать зрелище из готовых элементов, как бы пересобирая новое представление из уже готовых номеров, которые артисты исполняют в составе разных спектаклей в разном антураже и других костюмах. Условно говоря, представле-

- 1 Едва ли можно было бы рассчитывать на то, что исследователиотреагируют на такую критику, пригласив цирковых дрессировщиков в качестве экспертов для оценки своих методов и результатов: это было бы не только оскорбительно, поскольку изначально бросало бы тень псевдонаучности на эти исследования, но и выглядело бы ненаучной процедурой. Наука блюдет свои границы, противопоставляя себя другим видам деятельности, особенно псевдонауке.
- 2 В сущности, это в кратком изложении и есть «вкусоощирительный метод дрессировки» [Носов 1970: 163-164].

ние, которое называется «Ехали медведи, или Веселая компания», к юбилею можно перелицевать и представить публике под названием «Салют Победы», это стандартная практика, названия взяты из истории репертуара одного из российских цирков. То же касается и каждого отдельного номера. Канадский исследователь семиотики цирка (и по совместительству директор цирка) Пол Буиссак анализирует устройство циркового номера с животными и показывает, как фреймируются действия животного в целях создания перформанса [Bouissac 2010: ch.3]. Например, номер с макаками-резусами, где один из дрессировщиков одет клоуном. Клоун подходит к обезьянке и начинает делать такие жесты руками, как если бы он вступал в энергичный спор с человеком. И тут макака отвешивает ему две пощечины. Обезьянка одета в мужской костюм, так что публика воспринимает происходящее как спор двух мужчин. В других представлениях обезьянка одета в женский костюм, а клоун свистит в свисток. Когда обезьянка бьет клоуна по лицу, пощечина воспринимается в свете другого стереотипа: мужчина повел себя оскорбительно, свистит женщине, ведет себя неприлично.

84 Как можно догадаться, ни мужское соперничество, ни приставание к женщинам тут не при чем. Дрессировщик просто умело провоцирует определенное действие животного, причем реальные механизмы, запускающие эту форму поведения, скрыты от публики [Ibid.: 46]. То, какие контексты и темы ассоциируются у публики с представлением, и то, что делает и как понимает взаимодействие дрессировщик, — это две разные смысловые системы. Смыслы в них не совпадают со смыслами, которыми элементы взаимодействия обладают в перспективе животного.

До тех пор пока все идет гладко, разница трех перспектив не препятствует согласованной деятельности человека и животного. Но иногда эта разница становится заметна и даже опасна. Работа дрессировщика чревата несчастными случаями, потому что взаимодействие с животными основывается на отношениях иерархии и на чувстве территории, а территориальный инстинкт связан с агрессией. Нечаянное пересечение невидимой границы может породить агрессивный ответ животного [Лоренц 1994]. Это касается любых животных в неволе, в том числе и «говорящих обезьян». При всей человекообразности очеловеченных высших обезьян клетки, замки и ошейники никто не отменял.

Инциденты, когда обезьяна кого-то кусает, — дело довольно обычное. Уошо в 1980 году нанесла увечье знаменитому стэнфордскому нейрофизиологу и нейрохирургу Карлу Прибраму, который к моменту своего визита к горилле в университете Оклахомы был хорошо знаком и с приматами как предметом изучения, и с проектом Гарднеров, и с самой Уошо. Но когда Прибрам передавал клубнику

через решетку клетки, где находились обезьяна и ее сын Лулис, Ушо так ободрала палец Прибрама об острый край клетки, что фалангу пальца пришлось ампутировать. Сообщают [Peterson 2004: 612], что Ушо разволновалась и многократно повторила жест «Извините!».

Обезьяны, которых научили коммуникации с человеком, не одиноки: среди «говорящих» человеческих питомцев есть и другие виды животных. В начале XX века не только легковерная широкая публика, но и эксперты-ученые из разных областей знания разделяли мнение, что конь, принадлежавший берлинскому учителю по фамилии фон Остен, мог думать, как человек, и был способен выражать свои идеи человеческим языком. Ганс был одним из первых среди сотен разумных животных, которые на протяжении XX века получили известность, потому что показывали чудеса интеллекта. Это прежде всего собаки и лошади (см., например, [Kindermann 1927]), но встречаются и птицы.

Фон Остен специально обучал Ганса, как он полагал, счету и демонстрировал, как конь, отстукивая передним копытом нужное число раз, решает арифметические примеры (в том числе с дробями), а также отвечает на вопросы, заданные ему на немецком языке (стук копыта по специальной системе переводился в буквы немецкого текста). В других заданиях фон Остен также переводил стук в названия игральных карт и нот и учитывал жесты: конь говорил «да» и «нет», кивая и мотая мордой из стороны в сторону, а также указывал мордой направление или подходил к нужному предмету. Кивок в контексте числа «ноль» [Pfungst 1911: 40-42]. Ганс отличался не только сообразительностью и умением считать (например, он мог подсчитать окна в доме напротив), но и абсолютным слухом, а также завидной памятью, необходимой, чтобы отстучать фамилию знакомого ему человека, изображенного на фотографии, или повторить предложение, которое ему давали накануне [Ibid.: 47]. Существенно, что за каждый правильный ответ животное получало вознаграждение.

Случай Ганса стал предметом интереса нескольких зоологов и психологов: в 1904 году была организована специальная комиссия, куда входили два управляющих зоопарками, директор цирка, профессор-физиолог, именитый психолог Карл Штумпф, а также специалисты-практики, по роду занятий имевшие дело с лошадьми. Подробное описание опытов с Гансом было сделано Оскаром Пфунгстом, учеником Штумпфа; книга Пфунгста о смышленном Гансе была вскоре переведена на английский [Pfungst 1911 (1907)]. Члены комиссии предполагали проверить, нет ли тут подвоха: не происходит ли со стороны фон Остена намеренной или произвольной передачи животному таких сигналов, опираясь на которые Ганс дает правильные ответы. Обнаружилось, что и в отсутствие фон Остена

Ганс был способен ответить на вопросы. Приводимое Пфунгстом заключение комиссии содержит два вывода: фон Остен не мошенник, то есть не пытается сознательно ввести в заблуждение публику и не прибегает к трюкам¹. Одновременно комиссия признала, что не смогла оценить, действительно ли Ганс обладает таким интеллектом, который позволяет ему демонстрировать подобные успехи. Возможно существовали другие факторы, которые не были учтены и нуждались в дополнительном исследовании.

86 В ходе дальнейшего исследования Пфунгсту удалось показать, что Ганс проявляет свои способности, только когда рядом находятся определенные люди и когда он может их видеть. При этом конь не может правильно ответить, если среди присутствующих нет никого, кто знал бы верный ответ на вопрос (например, когда разные люди шепотом говорят слагаемые лошади на ухо), или когда он не видел экспериментатора. Но видел ли Ганс стимулы, которые ему предъявлялись? Пфунгст [Pfungst 1911: 90] указывает, что Ганс не обращал внимания на стимулы, которые ему предъявляли, и тем не менее давал правильный ответ, например, давая ответ на вопросы, которые требовали подсчитать число предметов или людей. Можно было бы попытаться отслеживать направление взгляда, чтобы определить, куда направлено внимание животного, но стоит отметить, что «куда смотрит» и «что видит / на чем сосредоточено внимание» — это, вообще говоря, разные вещи. Последнее, впрочем, касается и человеческого партнера коммуникации².

Владельцы Ганса — фон Остен и (после его смерти) Карл Кралль, воспитатель нескольких «разумных» лошадей и автор книги о мыслящих животных [Kral 1912], — были убеждены в том, что Ганс умеет читать. На фотографиях видно, что они показывали коню предметы, слова и карточки с цифрами недалеко от его носа, однако лошади по человеческим стандартам весьма дальнорорки, и такие стимулы в лучшем случае видятся ими размыто, если они вообще обращают на них внимание. Одно из возможных объяснений правильных ответов Ганса состоит в том, что ответы никак не связаны с тем, как воспринимает животное формулировку условий задачи [Candland 1993: 135-139]. Иными словами, правильный ответ в виде

- 1 В отличие от обвинений в сознательном мошенничестве, адресуемым парapsихологам (см. работу Тревор Пинча о социальных аспектах разграничения науки и псевдонауки на примере парapsихологии [Pinch 1979]), критика работ в области *Ape Language Research* усматривает в действиях экспериментаторов скорее некритический подход к интерпретации наблюдений, при котором желаемое выдается за действительное.
- 2 Это один из аргументов Витгенштейна в его критике остенсивного определения значения слова («Философские исследования», § 28-36).

выстукивания копытом может получиться независимо от смысла, который приписывает вопросу и ответу человек, и независимо от того, как воспринимается (и интерпретируется ли вообще) вопрос животным.

Чтение мыслей и суггестия (предмет исследований Штумпфа) рассматривались в качестве возможных объяснений феномена. Однако Пфунгсту удалось установить, на что ориентируется животное в своих ответах, когда отстукивает копытом. Например, когда человек формулирует вопрос, он слегка подается телом вперед и немного наклоняет голову, начиная внимательно наблюдать. Когда же Ганс доходит до нужного числа (в случае арифметической задачи), человек незаметно для себя расслабляется и чуть подается назад. Это и служит сигналом, чтобы прекратить отстукивание (попытки прервать отстукивание командами или восклицаниями редко приводили к успеху [Pfungst 1911: 91-93]).

Таким образом, произвольные сигналы человека, считываемые животным, контролируют не само по себе отстукивание копытом, а его прекращение. Эта же техника была воспроизведена и в других парах человек — животное, например, в случае с собакой [Candland 1993: 136]. Впрочем, лошади, копытом отстукивающие нужные числа, равно как и принципы, стоящие за этим трюком, были известны еще в XVII веке. Однако там речь идет о произвольном управлении поведением животного ради перформанса, то есть о благонамеренном обмане публики, а не о самообмане экспериментатора [Sebeok 1980].

Для интерпретации последовательности ударов копытом в качестве набора букв человеку требуется провести операцию по сегментации этой последовательности, различая границы букв, а внутри сообщения о букве — информацию о ряде и колонке, как бы мысленно проставляя запятые в потоке стуков. Карл Кралль несколько упростил дело, разработав новый код для букв, где ряды обозначали ударами левого копыта, а колонки — правого. При интерпретации слов животных Кралль довольно снисходительно относился к точности воспроизведения слов [Kral 1927], так что в интерпретации результатов имеются несколько этапов, на которых вольно или невольно интерпретирующий мог бы сделать свой более или менее произвольный выбор в пользу того, что осмысленно укладывается в его ожидания.

Д. Кэндлэнд [Candland 1993: 167-174] среди нескольких историй замечательных животных излагает содержание американской публикации начала XX века о спаниеле по кличке Роджер, который научился узнавать игральные карты, выбирал из алфавита буквы своего имени, производил арифметические операции (результат он показывал, наступая лапой на картонку с соответствующей цифрой)

и даже по буквам диктовал слова не только на английском. Хозяин пса склонялся к тому, что Роджер умудряется читать его мысли. Кэндлэнд цитирует комментарий психолога Роберта Йеркса, где тот объясняет достижения собаки, ссылаясь на пример смышленного Ганса: Роджер правильно отвечает на вопросы, отвечать на которые его не тренировали, буквам и цифрам его тоже никто специально не учил. При этом на карточки с заданием он мало обращает внимания и много — на хозяина; не видя хозяина, Роджер не способен ответить. Отмечая, что органы чувств животных позволяют им реагировать более чутко, чем человеку, на некоторые стимулы, Йеркс склоняется к выводу, что подсказками собаке служат неосознанные движения человека.

88 Вольфганг Келер, автор классических исследований интеллекта обезьян, в своих экспериментах с птицами (которые, как он выяснил, умели в определенных пределах различать число предметов), стремился устранить самого экспериментатора со сцены и даже избегать желания получить тот или иной конкретный результат [Hediger 1980: 4]. Это стремление хорошо знакомо и в социальных науках по дискуссиям о полевой работе. Объективистское стремление наблюдать практики информантов в качестве невключенного наблюдателя («мухи на стене»), не вносящего своим участием никаких возмущений в наблюдаемые процессы, схоже с установкой лабораторных экспериментаторов на объективность и устранение из наблюдаемой реальности субъективного компонента, связанного с участием экспериментатора. Однако этнография противоположна лабораторной науке. В последней трети XX века стало общим местом, что субъективность исследователя в принципе неустранима из ситуации полевой работы, ведь этнограф в поле всегда включен в сообщество в той или иной роли и в той или иной мере участвует в наблюдаемых практиках. Эту субъективность надо научиться использовать и контролировать (см. любое издание хрестоматийного учебника [Atkinson, Hammersley], первое издание которого вышло в 1983 г.). Этнограф имеет дело с людьми — такими же, как он, существами, «подвешенными в сетях смыслов» (согласно метафорике, предложенной Максом Вебером и развитой Клиффордом Гирцем). Эти существа интерпретируют социальную реальность, рефлексивизируют, высказывают свою интерпретацию¹. Лабораторный ученый, имеющий дело с шимпанзе, оказывается в сложной ситуации: шимпанзе — не молекулы и не муравьи, их интеллект и коммуника-

1 При этом этнограф не принимает высказывания информанта за «чистую монету», а пытается разобраться, почему и зачем в этой ситуации взаимодействия информант говорит именно это и именно так.

тивные способности таковы, что ученому проще рассматривать животное как тоже «подвешенное в сетях смыслов», ведь он неизбежно уже вовлечен в социальную ситуацию взаимодействия с этим животным (возможно, незаметно для себя самого).

Экспериментатор полагает, что имеет дело с *apprentissage*, но социальность ситуации уже указывает на то, что взаимодействие происходит в режиме дрессировки. В отличие от ученого дрессировщик осознает социальность такой ситуации взаимодействия и эксплуатирует ее для достижения результата. Но для ученого эта дилемма оказывается неразрешима: если мы заявим, что шимпанзе показывает интеллект и владение языком только в условиях вне лаборатории и в тесном взаимодействии с определенным человеком-партнером, с которым установлена эмоциональная связь, тем самым мы автоматически выведем нашу деятельность из поля науки. Ведь тогда наше взаимодействие с животным ничего не способно рассказать миру об устройстве интеллекта животного и о том, как устроено освоение языка вообще, безотносительно к трюкам с использованием символов в этой конкретной паре человека и обезьяны (попугая, собаки, дельфина и др.).

Сами исследователи, по крайней мере некоторые из них, хорошо понимали, что их результаты могут быть поставлены под вопрос, если не будут приняты меры, которые снизят возможность влияния присутствия экспериментатора и его ожиданий на результаты. Роджер Футс отмечает, что тень Ганса незримо преследовала экспериментаторов: с Уошо они жили в страхе приписать ее жестам значение, которого в них нет. Поэтому процедура верификации того, что Уошо освоила новый жест, предполагала, что этот жест должен встретиться в наблюдениях ежедневно в течение пятнадцати дней, причем должен быть употреблен корректно и не быть спровоцирован (как можно понять, не должен быть употреблен человеком прежде, чем в ответе появится у Уошо). При этом экспериментаторы создавали контексты для «естественного» употребления жеста.

Если рядом нет собаки, то, указывает Футс, трудно представить себе подходящий контекст для жеста «собака». Тогда они проезжали на машине мимо двора, в котором была собака, которая всегда реагировала на проезжающих, и там Уошо комментировала увиденное жестом «собака». Если собаки в этом дворе не оказывалось, а Уошо все равно употребляла жест, он не засчитывался ради чистоты эксперимента [Fouts 1997: 98]. Футс прав, что в случае учета слов, осваиваемых ребенком, слово, произнесенное в отсутствие референта не вызвало бы сомнений, то есть критерии для корректного человеческого употребления слов в жизни иные, чем в эксперименте с шимпанзе. Но, заметим, для естественного, спонтанного употребления слов ребенком не нужно специально

создавать контекста, ведь само собой разумеется, что ребенок может говорить о чем-то, чего нет перед глазами¹. В случае животного такая способность нуждается в доказательствах и требует подтверждения, что использование символа связано с представлениями о его денотате.

Устранить человека-партнера, чтобы он своим присутствием и произвольными реакциями не мог повлиять на результат, пытались в опытах, где испытуемому животному предъявляет стимулы один человек, а регистрирует ответ животного — другой. Скажем, жесты Уошо, которой демонстрирует слайд, записывает человек, который не знает, что именно демонстрируется. Кроме того, сама технология коммуникации может быть инструментом, фиксирующим и сохраняющим высказывания, исключая неоднозначность в употреблении символов. Таковы специализированные компьютерные кнопки с условными символами («лексиграммами»), которые загораются, когда на них нажимают (их использовали Дуэйн и Сью Рамбоу в опытах с шимпанзе Ланой, Шерманом и Остином), так что средоточием коммуникации оказывается клавиатура. Опыты с лексиграммами развивают принципы экспериментов Дэвида Премака, который первым начал изучать логические операции у обезьян, коммуницируя с шимпанзе по кличке Сара при помощи пластиковых магнитных жетонов, которые надо было выстроить в определенной последовательности, чтобы получить символичный эквивалент предложения, обладающего синтаксисом (где, например, места расположения аргументов по отношению к предикату выражают их семантические роли)².

90

Голубой треугольник в системе Премака обозначал яблоко, а розовый квадрат — банан; в эксперименте использовались значки для имен людей, так что Сара могла составлять высказывания вроде «Мэри, дай банан Саре», и для слов, обозначающих кванторы и отношения («все», «некоторые», «если — то», «такой же», «другой», «является именем», а также значки для выражения вопроса и отрицания). Таким образом, используя эти жетоны и реальные объекты, Премак мог ставить Саре, например, такие задачи:

цвет яблока ? (= «каков цвет яблока?», правильный ответ — красный)

-
- 1 Эта возможность использования языка человеком обозначена Ч. Хоккетом [Hockett 1960] как свойство «перемещаемости» (displacement), это один из конструктивных признаков человеческого языка (design features of language).
 - 2 Работы Терреса [Terrace, Petitto, Sanders, Bever 1979; Terrace 1979] показали, что не всегда связанные последовательности жестов шимпанзе проще интерпретировать без ссылки на механизмы синтаксиса языка.

форма ? круглый (= «круглый — это форма какого предмета?», правильный ответ — мяча)

маленький ? изюм (= «маленький — какая характеристика изюма?», правильный ответ — размер)

Сара заменяла вопросительный знак нужным по смыслу жетоном. Причем, как утверждает Премак, она демонстрировала и металингвистические способности, используя жетоны «является именем» и «не является именем» для построения последовательностей типа «розовый квадрат — не является именем — реального яблока». Как это признает сам Премак [Premack 1976: 34], замена в таких опытах экспериментатора, понимающего значение жетонов, на ассистента, который просто предъявлял Саре готовую задачу, а потом сообщал ответ шимпанзе экспериментатору, находившемуся в другой комнате, резко портила результаты: Сара ставила жетоны в неправильном порядке, пробовала подряд несколько вариантов.

Сара, особенно в присутствии знакомого экспериментатора, демонстрирует сложное поведение, в котором возможно усмотреть логические заключения. Если бы на месте Сары был человек, мы истолковали бы его поведение как результат понимания задания. И для человека, владеющего языком и логикой, и для шимпанзе, обученного использованию языка или его эквивалентов, формулировка задания имеет тот же смысл, что и для экспериментатора. Но такое поведение могло быть и результатом дрессировки: животное, чтобы получить награду, научилось выполнять определенные сложные действия, опираясь на память, а действия человека и набор знаков имеют смысл «задания» только на стороне человека.

Что мы здесь усмотрим, дрессировку или понимание задания, зависит от теории, которую мы применим, чтобы объяснить наблюдаемое поведение. В одном из эпизодов фильма о говорящей горилле показывают, что Коко освоила соответствие английских слов и знаков жестового языка в ходе взаимодействия в следующем формате: человек произносит английское слово, в ответ Коко показывает соответствующий жест (и получает награду). Мы видим, что даже вне реальной ситуации общения, вне предмета или действия, с которыми этот жест и это слово должны быть связаны, Коко умеет ассоциировать звучание английского слова и жест языка глухих¹. Но что стоит за таким поведением, кроме самой этой ассоциации?

1 В отличие от Гарднеров, которые старались исключить разговорную речь из общения с Уошо, Пенни Патерсон использовала не американский жестовый язык, а калькирующую жестовую речь — английский язык в жесто-

Сью Сэвидж-Рамбоу [Savage-Rumbaugh, Lewin 1994: 64] обнаружила, что в ситуации, когда экспериментатор демонстрирует предмет, а обезьяна нажимает соответствующую ему кнопку на клавиатуре, человек видит выучивание ассоциаций с предъявляемым стимулом, то есть освоение значений символов. Для обезьяны это выглядит иначе: нажатие на кнопку — не реакция на предъявляемый стимул, а, собственно, стимул, который она предъявляет человеку. Животное не обращает внимание на предмет, который показывает человек, нажимает на кнопку и смотрит за последствиями, ищет связь между нажатием и получением пищи (и выбором, что за пищу дают по этой кнопке). Экспериментальная установка для обезьяны является сложным вендинговым автоматом, а не средством построить правильное выражение по правилам синтаксиса.

92 Соответственно и употребление символа для получения того, что этим символом обозначено (например, банан), не эквивалентно знанию, что этот символ означает «банан». Поэтому Сью Сэвидж-Рамбоу специально обучала Шермана и Остина использовать символы вне контекста просьбы, то есть перешла к такой специфической языковой игре людей, как именование. Кроме того, отдельные усилия требовались, чтобы обезьяны-участники эксперимента обращали внимание на коммуникативные действия партнера (на лексиграммы, которые загораются на стене, когда другой нажимает на кнопки) и «понимали» обращенные к ним высказывания (нажимали на тот же символ).

Главным результатом Сэвидж-Рамбоу стало сотрудничество двух шимпанзе, когда один сообщает другому информацию, необходимую для того, чтобы достать награду для обоих, то есть использует партнера в качестве инструмента. Поначалу один «сообщал» другому, что за пища спрятана в контейнере, и только когда другой тоже нажимал соответствующую кнопку, они получали награду. В более продвинутом варианте приманка помещается в контейнер, доступ к содержимому которого можно получить при помощи одного из возможных инструментов (ключ, гаечный ключ, монета, палка и др.). Один из шимпанзе знает, каким инструментом воспользоваться, но инструменты лежат у другого, так что ему нужно потребовать этот инструмент у партнера.

Критически настроенные бихевиористы [Epstein, Lanza, Skinner 1980] в качестве иллюстрации, что подобное сложное поведение может и не опираться на «понимание», обучили двух голубей, помещенных в соседние клетки с прозрачной перегородкой, «со-

вой форме, обращаясь к Коко по-английски, одновременно демонстрируя жесты.

вместной» деятельности: голуби по имени Джек и Джилл¹ клюют нужные кнопки. Джек активирует кнопку с надписью «Какой цвет?», тогда как Джилл смотрит сзади своей клетки, какого цвета лампочка (невидимая Джеку) там зажжена. Джилл клюет соответствующую кнопку. На кнопках при этом не цвета, а буквы — R (красный), G (зеленый) и Y (желтый), чтобы подчеркнуть произвольный характер этих «символов». Тогда Джек клюет кнопку с надписью «Спасибо», и Джилл получает пищу. Чтобы получить пищу самому, Джеку надо посмотреть, какая кнопка с буквой загорелась у Джилл; он клюет такую же кнопку у себя и получает награду. Голуби освоили последовательность действий, которая приводит каждого из них к награде. Но равнозначно ли это использованию в коммуникации искусственных символов для обозначения предметов?

Эта пародия на опыт коммуникации с шимпанзе является плодом дрессировки и не предполагает, что голуби хоть как-то озабочены тем, что в голове у партнера, хотя и достигают похожего результата «совместной деятельности». Аргументы скептиков предполагают, что имеется более простое объяснение, нежели предположение, что животные или птицы овладели значением символов, обладают способностью распознавать интенции партнера и приписывать ему разные состояния осведомленности. Однако тот факт, что Сэвидж-Рамбоу трактует действия животных в терминах интенций и представлений о состоянии знаний партнера, представляет собой важный шаг вперед: использование символа во взаимодействии сразу перестало казаться простым и понятным делом. В этих экспериментах речь идет не просто о способности использовать символы для управления поведением друг друга, а о мышлении шимпанзе и о проникновении в их мир интенций и коммуникативных намерений. Исследователь опиралась в своих рассуждениях на те значительные достижения, которые в 1970-е годы были получены в изучении детской речи и ранних этапов развития коммуникации матери и младенца в рамках исследовательского направления, которое известно как *developmental pragmatics*².

- 1 Это юмористическая отсылка к бихевиористской трактовке коммуникативного взаимодействия в классической книге Л. Блумфилда «Язык» [Блумфилд 1968 (1933)], в самом начале которой в качестве модели использования языка приводится сценка, где девушка Джилл прибегает к символическим средствам коммуникации, чтобы побудить Джека сорвать для нее яблоко.
- 2 Ср. в русском переводе статьи Джерома Брунера [1984 (1975)] и Элизабет Бейтс [1984 (1979)]. Другим важным итогом 1970-х годов стало формирование целого направления исследований в области «теории психического» (theory of mind, см. пионерскую публикацию [Premack, Woodruff 1978]), то есть

Нельзя не заметить, что для человека, не общавшегося с шимпанзе, но имевшего опыт общения с Сири, Алисой или другими системами искусственного интеллекта с речевым интерфейсом, вопрос о том, понимает ли обезьяна языковые символы так же, как человек (или, например, понимает ли попугай то, что он говорит¹), оказывается своеобразным вариантом мысленного эксперимента с «китайской комнатой» Джона Серла [Searle 1984: 30-32]. Этот эксперимент опирается на тест Тьюринга, согласно которому система обладает интеллектом, если ее коммуникативное поведение не позволяет отличить ее ответы от ответов человека. Серл утверждает, что можно представить себе систему, которая, манипулируя символами, имитирует интеллект. Так, если внутри запертой комнаты находится человек, который не знает китайского языка, но имеет в распоряжении словари и подробные инструкции относительно того, как реагировать на стимулы извне — какие иероглифы составлять в качестве ответа на поступающие снаружи сообщения, — то владеющие китайским языком люди, обменивающиеся письменными сообщениями с человеком в комнате, могут посчитать, что отвечающий тоже владеет китайским языком.

94 Между тем он только проводит формальные операции с иероглифами, согласно инструкциям, а смысла этих иероглифов и смысла высказываний, которые ему поступают на вход и которые он отправляет на выход, не понимает. В свое время этот образ был призван стать аргументом в споре об искусственном интеллекте: достаточно ли компьютерной программе уметь оперировать с символами по определенным правилам так, чтобы это было осмысленно со стороны человека, и так, чтобы можно было приписать этой программе интеллект? Оперирование символами по правилам сторонники доминировавших в 1970-х годах взглядов на искусственный интеллект считали сутью того, что делает любой интеллект. Серл же показывает, что оперирование символами не эквивалентно пониманию.

Опасность общения с искусственным интеллектом проистекает из его способности выступать в качестве иллюзорно полноценного собеседника²: человек с готовностью усматривает в собеседнике че-

моделирование представлений внутренних состояний другого существа, в частности, партнера по коммуникации.

- 1 Ср. [Pepperberg 2008] об интеллекте и коммуникативных способностях серого африканского попугая Алекса, а также о тридцатилетней истории своей дружбы с ним.
- 2 См. об этом в книге Йозефа Вейнцебаума, изобретателя Элизы — первой знаменитой программы-бота, не имевшей ни представления о контексте, ни модели мира, но использовавшей набор методов, позволявших импровизировать, отталкиваясь от слов собеседника [Weizenbaum 1976: 182-201].

ловечность, приписывая ему человеческие побуждения и мысли. Человеческое общение в принципе предполагает «чтение мыслей», приписывание намерений, интерпретацию вклада партнера в диалог с опорой на наши ожидания. В обычных условиях в разговорный диалог встроены механизмы защиты интерессубъективности, в том числе способы согласования общего фона на каждом шаге взаимодействия (об этих механизмах как компонентах устройства коммуникации у человека см. [Levinson 2006]). При этом всегда остается возможность рассогласования, когда участники одно и то же понимают по-разному. Такая разница становится систематической опасностью при асимметричном и слабо синхронизированном взаимодействии. Так, например, Альберт Робийар в своей автоэтнографической книге [Robillard 1999] анализирует приписывание мыслей в коммуникации с неречевым инвалидом, знакомой ему изнутри на собственном опыте (см. также [Утехин 2018б]).

Работа над созданием систем альтернативной коммуникации для людей с дефектами коммуникации и интеллектуальной инвалидностью была одним из важных контекстов по крайней мере некоторых экспериментов в области Ape Language Research [Savage-Rumbaugh, Lewin 1994: ch.7]. Соответственно шимпанзе рассматривались как модель интеллектуально и коммуникативно более слабого партнера, которому потенциально возможно открыть более широкий мир, если предоставить подходящие средства коммуникации.

Следуя логике Л. Выготского, можно сказать, что в отличие от человека интеллект и коммуникация животных существуют по отдельности, тогда как у человека они объединены одной системой — человеческим языком. Если бы лев заговорил, то есть получил магическим образом возможность использовать в коммуникации категории, на которые опирается его мышление, то мы бы не поняли его. Его взгляд на мир и интересы настолько бы не совпали с нашими, что их нельзя было бы перевести в наши слова, в наши категории мысли и коммуникации. Можно было бы попытаться заставить льва оперировать ярлыками для наших категорий, но тогда мы не могли бы быть уверены, что эти категории для него актуальны, и он «понимает» их.

Вот с домашними кошками мы знакомы, кажется, лучше, чем со львами. Представим себе, что мы изучили те ситуации, в которых кошка пытается взаимодействовать с человеком, выявили ее побуждения и описали их мозговые корреляты. Тогда можно было бышить ей чип, обрабатывающий сигналы от мозга и передающий их устройству, которое переводит их в сигналы, понятные человеку («хочу есть/пить/в туалет/играть/подраться»; «мне тревожно»; «почешите меня»). Допустим, эти сигналы голосом актрисы раздавались бы

из ошейника. Или они приходили бы в виде текстовых сообщений на смартфон. Это был бы технологический способ расширения спектра взаимодействия кошки и человека, работающий в тех пределах, в которых человеческие категории интерпретации кошачьих желаний получили бы словесное выражение, не связанное с тем, что кошка овладела человеческим языком. Благодаря такой технологии мы не узнали бы о внутреннем мире кошки существенно больше того, что уже и так знаем. Но самое главное, что сами кошки могли бы даже не понимать, что они «говорят», что происходит что-то коммуникативно значимое. Понимание текста сообщения на смартфоне (или голоса актрисы, доносящегося из кошачьего ошейника) было бы целиком на стороне человека. Успех этого проекта не означал бы, что кошки овладели элементами человеческого языка.

96 Проекты 1960–1970-х в области *Apes Language Research*, расширяя диапазон доступных коммуникативных действий животных и показывая им, что такие действия могут управлять поведением человека-партнера, исходили из предпосылки, что обезьяны (в отличие от кошки с чипом или человека в «китайской комнате») могут понимать значение предложенных человеком символов и выражают определенные коммуникативные намерения. Человек своими действиями и своим пониманием собеседника вносит вклад в конструирование собеседника — будь то другой человек, ребенок, дух предка, божество, животное. Человеческая коммуникация (в отличие от коммуникации компьютера с принтером) в принципе допускает множество асимметричных режимов, что эксплуатируется в разных жанрах и ситуациях. В частности, преобразуя животное своим участием в коммуникации, человек не только может расширять его коммуникативный репертуар, но и формировать ему квазичеловеческую личность.

Библиография / References

Бейтс Э. (1984) Интенции, конвенции и символы. *Психолингвистика*. Сб. статей под ред. А.М. Шахнаровича, М.: Прогресс: 50-102.

— Bates E. (1984) Intentions, Conventions and Symbols. Bates E. et al (eds.) *Psycholinguistics*. M: Progress: 50-120. — in Russ.

Блумфилд Л. (1968) *Язык*. М: Прогресс.

— Bloomfield L. (1968) *Language*. M: Progress. — in Russ.

Брунер Дж. (1984) Онтогенез речевых актов. *Психолингвистика*. Сб. статей под ред. А.М.Шахнаровича. М: Прогресс: 21-49.

— Bruner J.S. The Ontogenesis of Speech Acts. *Psycholinguistics*. M: Progress: 21-49. — in Russ.

Витгенштейн Л. (1994) Философские исследования. Витгенштейн Л. *Философские работы*. Часть 1. Пер. с нем. М: Гнозис, 1994.

— Wittgenstein L. (1994) Philosophical studies. Wittgenstein L. *Philosophical works*. Part 1. М: Gnosis. — in Russ.

Зорина З.А., Смирнова А.А. (2006) *О чем рассказали «говорящие» обезьяны*. М: Языки славянских культур.

— Zorina Z.A., Smirnova A.A. (2006) *What the «talking» apes told about*. М: Languages of Slavic cultures. — in Russ.

Линден Ю. (1981) *Человек, обезьяны и язык*. Пер. с англ. Е. П. Крюковой под ред. Е. Н. Панова. М.: Мир.

— Linden Yu. (1981) *Man, monkeys and language*. М.: Mir. — in Russ.

Лоренц К. (1994) *Агрессия (так называемое «зло»)*. Пер. с нем. М.: Прогресс.

— Lorenz K. (1994) *Aggression (the so-called «evil»)*. М.: Progress. — in Russ.

Носов Н.Н. (1970) *Витя Малеев в школе и дома*. М.: Детская литература.

— Nosov N.N. (1970) *Vitya Maleev at school and at home*. М.: Children's literature. — in Russ.

Резникова Ж.И. (2005) *Интеллект и язык животных и человека: Основы когнитивной этологии*. М.: Академкнига.

— Reznikova Zh.I. (2005) *Intelligence and the language of animals and humans: Fundamentals of cognitive ethology*. М.: Academic book. — in Russ.

Утехин И. (2018а) *Обезьяны и люди*. Утехин И. *Что такое визуальная антропология. Путеводитель по классике этнографического кино*. СПб: Порядок слов: 307-339.

— Utekhin I. (2018a) *Monkeys and people*. Utekhin I. *What is visual anthropology. Guide to the classics of ethnographic cinema*. St. Petersburg: "Word Order": 307-339. — in Russ.

Утехин И. (2018б) *Новые нормальные: к анализу асимметричной коммуникации*. Клепикова А. *Наверно я дурак: Антропологический роман*. СПб: Издательство ЕУСПб, 2018: 390-428.

— Utekhin I. (2018b) *New normal: to the analysis of asymmetric communication*. Klepikova A. *I guess I'm a fool: Anthropological novel*. St. Petersburg: EUSP Publishing House: 390-428. — in Russ.

Atkinson P., Hammersley M. (1983) *Ethnography: principles in practice*. London: Tavistock.

Candland D.K. (1993) *Feral Children and Clever Animals*. N.Y.: Oxford University Press.

Epstein R., Lanza R.P., Skinner B.F. (1980) Symbolic Communication between Two Pigeons (*Columba Livia Domestica*). *Science*, 207 (4430): 543-545.

Gardner R.A., Gardner B.T. (1969) Teaching Sign Language to a Chimpanzee. *Science*, New Series, 165(3894): 664-672.

Gardner R.A., Gardner B.T., Van Cantfort T.E. (1989), *Teaching Sign Language to Chimpanzees*, Albany: SUNY Press.

- Haraway D.J. (1989) *Primate visions: gender, race, and nature in the world of modern science*. N.Y.: Routledge.
- Hediger H. (1968) *The Psychology and Behavior of Animals in Zoos and Circuses*. New York: Dover.
- Hillix W., Rumbaugh D. (2004) *Animal Bodies, Human Minds: Ape, Dolphin, and Parrot Language Skills*. N.Y.: Kluwer.
- Hockett Ch. (1960) The Origin of Speech. *Scientific American*, 203: 89–97.
- Krall K. (1912) *Denkende Tiere: Beiträge zur Tierseelenkunde auf Grund eigener Versuche; der kluge Hans und meine Pferde Muhamed und Zarif*. Leipzig: Engelmann.
- Levinson S. (2006) On the human “interaction engine”. N. Enfield and S. Levinson (eds.) *Roots of Human Sociality: Culture, Cognition and Human Interaction*. Oxford: Berg: 39–69.
- Patterson F.G., Linden E. (1981) *The education of Koko*, New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Pepperberg I.M. (2008) *Alex and Me. How a Scientist and a Parrot Discovered a Hidden World of Animal Intelligence — And Formed a Deep Bond in the Process*. N.Y.: HarperCollins.
- Peterson D. (2008) *Jane Goodall: The Woman Who Redefined Man*. Boston: Mariner.
- Robillard A.B. (1999) *Meaning of a Disability: The Lived Experience of Paralysis*. Philadelphia, Temple University Press.
- 98 Pfungst O. (1911) *Clever Hans (The Horse of Mr. von Osten). A contribution to experimental animal and human psychology*. N.Y.: Holt (страницы в ссылках указаны по оцифрованной версии этого издания, archive.org, 2010).
- Pinch T.J. (1979) Normal Explanations of the Paranormal: The Demarcation Problem and Fraud in Parapsychology. *Social Studies of Science*, 9(3): 329–348
- Premack D., Premack A.J. (1984) *The Mind of an Ape*. N.Y.: W.W.Norton.
- Premack D., Woodruff G. (1978) Does the chimpanzee have a theory of mind? *Behavioral and Brain Sciences*. 1(4): 515–526.
- Savage-Rumbaugh S., Wamba K., Wamba P., Wamba N. (2007) Welfare of apes in captive apes: Comments on, and by, a specific group of apes. *Journal of Applied Animal Welfare Science*, 10(1): 7–19.
- Savage-Rumbaugh S., Lewin R. (1994) *Kanzi. The Ape at the Brink of the Human Mind*. London: Doubleday.
- Searle J.R. (1989) *Minds, Brains and Science* (The 1984 Reith lectures). Cambridge (MA): MIT Press.
- Sebeok T.A. (1980) *Looking in the Destination for what should have been Sought in the Source*. Sebeok T.A., Umiker-Sebeok J. (eds.) (1980) *Speaking of Apes. A Critical Anthology of Two-Way Communication with Man*. (Topics in Contemporary Semiotics). N.Y., L.: Plenum Press: 407–427.
- Sebeok T.A., Rosenthal R. (eds.) (1981) *Clever Hans Phenomenon: Communication With Horses, Whales, and People*. (Annals of the New York Academy of Sciences, Vol. 364).

N.Y.: The New York Academy of Sciences.

Sebeok T.A., Umiker-Sebeok J. (eds.) (1980) *Speaking of Apes. A Critical Anthology of Two-Way Communication with Man*. (Topics in Contemporary Semiotics). N.Y., L.: Plenum Press.

Terrace H.S., Petitto L.A., Sanders R.J., Bever T.G. (1979) Can an ape create a sentence? *Science*, 206: 891-902.

Terrace H.S. (1979) *Nim: A chimpanzee who learned Sign Language*, New York: Knopf.

Umiker-Sebeok J., Sebeok T.A. (1980) Introduction: Questioning Apes. Sebeok T.A., Umiker-Sebeok J. (eds.) (1980) *Speaking of Apes. A Critical Anthology of Two-Way Communication with Man*. (Topics in Contemporary Semiotics). N.Y., L.: Plenum Press: 1-59.

Рекомендация для цитирования:

Утехин И.В. (2019) Человек и обезьяна: к контекстуализации ранних экспериментов в области Ape Language Research. *Социология власти*, 31 (3): 75-99.

For citations:

Utekhin I.V. (2019) The Human and the Ape: On the Contextualisation of Early Experiments in Ape Language Research. *Sociology of Power*, 31 (3): 75-99.

Поступила в редакцию: 31.08.2019; принята в печать: 16.09.2019

Received: 31.08.2019; Accepted for publication: 16.09.2019